

Елена К.

Тени на арке

Елена К.

Тени на арке

<https://litres.ru/74522403>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет назад во дворе старого панельного дома пропала Лена. Сестра Марины. Дело закрыли — «ушла добровольно». Мать сломалась. Марина сбежала следом.

Но однажды она возвращается в тот двор — и начинает собирать осколки. Пуговица с необычным узором, найденная между гаражами. Брелок в форме якоря, который десять лет хранил сосед. Свидетели, которые помнят высокого незнакомца у арки. И конверт без марки, спрятанный матерью в коробке с ёлочными игрушками, — с запиской «Не ищите».

Шаг за шагом Марина складывает из мелочей и слухов картину, в которую хочет верить. Соседи начинают говорить. Мать впервые открывается. Кажется, правда вот-вот проступит сквозь тени.

Но что, если весь этот путь — не расследование, а история, которую больной разум придумал, чтобы выжить? Что, если двора больше нет, а пуговица — просто пуговица?

И что, если за последней дверью её ждёт не ответ, а тот, кто скажет: «Отдохнули? Теперь начинаем сначала».

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Тени на арке

Глава

Глава 1

Автобус остановился с хриплым вздохом, будто ему было стыдно заезжать так далеко, и он автобус, сильно устал. За окном тянулся длинный серый забор, местами проржавевший до дыр, сквозь которые проглядывали пустые и как будто сильно припорошенные пылью, гаражи. Город заканчивался здесь. Или начинался — смотря как смотреть. Марина смотрела как на конец. Как на точку, где всё, что она старательно выстраивала последние годы, могло рассыпаться от одного шага по знакомому асфальту. Как будто шаг этот вел прямо в пропасть, скрытую густыми зарослями. Как будто еще шаг и неизвестность может закончиться трагично.

Она вышла, прижимая к груди сумку, в которой гремели ключи, пачка жвачки, влажные салфетки шуршали и находилось старое письмо, которое в этой компании, мне кажется, чувствовало себя явно лишним. Письмо она перечитывала столько раз, что бумага стала мягкой и напоминало собой уже старый папирус или пергамент. «Приезжай. Тут что-то не так», — было написано корявым почерком, который она узнала бы среди тысячи. Это писала Лена, её младшая сестра. Которая пропала десять лет назад. Или, как говорили в сводках, «ушла из дома добровольно, признаков преступления не установлено». Марина никогда не верила в эту формулировку, которая казалась ей, не настоящей. И теперь

письмо, пришедшее на её старый адрес, будто подтверждало: она была права. Что-то было не так. Очень не так. Совсем не так....

Ветер ударил в лицо, и Марина зажмурилась. Пахло мокрым асфальтом и чем-то горелым — наверное, опять кто-то жёг листву и старые покрышки за гаражами. Этот запах был ей знаком до тошноты. Он всегда означал осень в их дворе. И ожидание, вечное ожидание чего-то плохого. В детстве они с Леной прятались от этого запаха в подъезде, шептались на ступеньках между этажами, строили планы сбежать в Питер, найти там квартиру с видом на Неву и никогда не возвращаться сюда. Теперь Марина жила в Питере. Только без вида на Неву. И без Лены.

Она пошла вдоль забора. Ноги сами помнили дорогу, хотя разум пытался сопротивляться. Каждый шаг отдавался в груди, как удар. Десять лет. Целая жизнь. А двор будто застыл в том же дне. Те же качели, только теперь без сидений. Та же облупившаяся арка, ведущая во двор, — её когда-то разрисовали граффити, но дожди смыли краску, оставив только бледные контуры, похожие на тени прежних надписей. Марина прищурилась, пытаясь разобрать буквы. «Здесь был...» — дальше не разобрать. «Любила...» — или это ей только казалось? Иногда память подкидывала то, чего не было, просто чтобы заполнить пустоту. Пустоту вселенского масштаба напоминающую черную дыру с ее горизонтом событий, находящуюся где-то на краю вселенной.

На скамейке у подъезда сидела старуха в тёмном пальто. Марина её не узнала — значит, новая. Или просто постарела до неузнаваемости. Старуха подняла глаза, посмотрела пристально, будто проверяя, имеет ли Марина право здесь стоять. Потом отвернулась, будто решила, что права нет. Этот взгляд Марина тоже знала. В их дворе всегда смотрели так на тех, кто вернулся. Как будто возвращение — это уже признание вины. Только имеет ли она право судить Марину, это очень большой вопрос.

Пятый подъезд. Третий этаж. Дверь с облупившейся зелёной краской. Марина остановилась перед ней. Рука потянулась к звонку, но замерла. Она вдруг поняла, что не знает, что скажет. «Привет, я вернулась»? «Где Лена»? Или просто закричит, потому что тишина за этой дверью была слишком громкой. Она достала ключ. Тот самый, который носила на брелоке все эти годы, даже когда переезжала, даже когда выбрасывала старые вещи. Ключ был тяжёлый, неудобный, и она всё время цеплялась им за карманы. Но не выбрасывала. Потому что знала: однажды придётся вернуться. И этот момент пришел.

Ключ вошёл в скважину легко, будто его ждали. Замок щёлкнул — звук был до боли знакомым. Марина толкнула дверь, и та открылась, скрипнув.

В прихожей пахло сыростью и старыми газетами и немного пылью. На полу лежал коврик, который она помнила с детства — выцветший узор, похожий на лабиринт. В углу стояла

пара ботинок, явно мужских. Чьих-то чужих. Или тех, кого она не хотела узнавать. Марина задержала дыхание, прислушиваясь. В квартире было тихо, но не пусто. Тишина была живой, будто кто-то затаился в соседней комнате и ждал, когда она сделает следующий шаг.

— Кто там? — раздался голос из комнаты. Низкий, усталый, будто человек только что проснулся после долгой ночи. Или не спал вовсе.

Марина замерла. Её пальцы побелели на ручке двери. Она не была готова к этому голосу. Не была готова ни к чему, что ждало её за порогом. Но ноги уже сделали шаг вперёд.

— Это я, — сказала она, и собственный голос прозвучал чуждо, будто говорила не она, а кто-то другой, кто лучше знал, как входить в такие двери. — Марина.

Тишина в комнате стала ещё гуще, будто слова повисли в воздухе и не могли найти себе места. Потом скрипнул стул. Кто-то встал. Шаги приблизились. Дверь в комнату приоткрылась, и в проёме показался силуэт. Высокий, сутулый, с сединой на висках. Мужчина. Незнакомый. Или знакомый настолько, что Марина не сразу его узнала.

— Марина... — повторил он, будто пробуя имя на вкус. — Ты вернулась.

И в этом «вернулась» было столько всего: упрёк, облегчение, страх. Как будто её возвращение меняло всё, что здесь происходило последние десять лет. Как будто оно было тем самым событием, которое все ждали и боялись. Но оно со-

бытие все-таки случилось.

Марина кивнула, не в силах выдавить ни слова. Она смотрела на мужчину, пытаясь вспомнить, кто он этот человек. Сосед? Старый друг отца? Тот самый участковый, который когда-то расспрашивал её о Лене? Память путалась, смешивала лица, голоса, даты. Она знала только одно: он здесь. И он ждал. Или знал что-то. Или был частью того, что было не так. Нужно разобраться. Выяснить.

— Проходи, — сказал мужчина, отступая в сторону. — Тут... многое изменилось.

Марина шагнула через порог. Дверь за ней закрылась с тихим, но окончательным щелчком. Как будто отрезала путь назад.

Глава 2

Тишина в комнате была не пустой — она была набитой чужими голосами, старыми ссорами и теми словами, что когда-то выкрикивали в этих стенах, а теперь они осели пылью на шкафах, на карнизах, на стыках обоев. Марина стояла в проёме, не решаясь пройти дальше, будто шаг за порог мог изменить всё — не только прошлое, но и то, кем она стала за эти десять лет.

— Проходи, — повторил мужчина, отступая в сторону. Он не улыбался. Да и чему тут улыбаться? В этой квартире улыбки всегда выглядели неловко, как чужие вещи, забытые в гостях. — Тут... многое изменилось. Постарело, устало, выцвело, покрылось легким слоем пыли ...

Марина шагнула. Дверь за ней закрылась с тихим, но окончательным щелчком. Как будто отрезала путь назад.

Мужчина провёл её на кухню — ту самую, где когда-то по вечерам они с Леной сидели на подоконнике, грызли сушки и шептались, чтобы не разбудить маму. Только теперь подоконник был заставлен банками с краской, а на столе вместо чайника стоял электрический кипяtilьник, прикрученный к доске, чтобы не скользил.

— Чай? Или... может, кофе? У меня только растворимый, но горячий, — сказал он, и в этом будничном предложении было столько неловкости, будто он просил прощения за саму

квартиру, за её обветшалость, за то, что вообще здесь оказался. И казался неместным здесь.

— Спасибо, не надо, — ответила Марина, но голос прозвучал резче, чем хотелось. Она тут же смягчила: — Простое... расскажите, кто вы. Я не узнаю, вас. Или узнаю — и не могу вспомнить, из-за сильных изменений внешности.

Он замер у плиты, где грелся чайник, и посмотрел на неё так, будто только сейчас разглядел по-настоящему. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на облегчение — или на страх, что облегчение окажется преждевременным.

— Я Игорь. Игорь Семёнов. Мы с твоим отцом... ну, не то, чтобы дружили. Скорее, вместе пытались этот дом как-то держать. Когда трубы рвало, когда лифт не работал. Вся эта коммунальная война. Ты, наверное, не помнишь — ты тогда в школе была, всё думала, как бы скорее уехать от сюда.

Марина кивнула. Фамилия всплыла где-то на краю памяти — да, был такой сосед, вечно ходил в старом пуховике, собирал подписи, ругался с ЖЭКом. Но чтобы он оказался здесь, в их квартире... И для чего он здесь?

— А как вы... как вы здесь оказались? — спросила она, обводя взглядом кухню, будто искала доказательство, что это всё ещё её дом, а не чья-то чужая жизнь.

Игорь опустил глаза, постучал пальцами по ручке чайника — тот уже начал тихонько посвистывать.

— После того как вы уехали... ну, после исчезновения Лены... мама твоя... она ведь так и не смогла тут оставаться.

Всё ей казалось, что Лена вот-вот войдёт в дверь. Что это какая-то ошибка, что она просто задержалась у подруги. Она ходила по двору, спрашивала у всех подряд. Потом стала заператься и никого не пускать. А потом... уехала к сестре в Вологду. Попросила меня присматривать. Ну, я и присматривал. Сначала просто за квартирой. Потом... жизнь как-то сама затянула.

Он говорил быстро, словно боялся, что если остановится, то Марина не даст ему договорить. И в этой торопливости было что-то искреннее — не оправдание, а попытка уложить десять лет в несколько сбивчивых фраз.

— И ботинки в прихожей... ваши? — тихо спросила Марина.

— Мои, — кивнул он. — Я тут... живу. Не постоянно. Но часто тут бываю. Когда надо проверить батареи, когда соседи жалуются, что пахнет газом. А потом просто... стал оставаться. Тут тепло. И тихо.

«И тишина знает, где Лена», — подумала Марина, но не сказала. Вместо этого спросила другое:

— Письмо. Вы его видели? Или знаешь, кто мог его отправить?

Игорь нахмурился, будто она спросила что-то, к чему он не был готов. Чайник засвистел громче, и он машинально снял его с плиты, хотя Марина отказалась от чая.

— Какое письмо? — переспросил он, но в его голосе было не столько непонимание, сколько осторожность.

— То, из-за которого я приехала. «Приезжай. Тут что-то не так». На старом мамином конверте, почерк... очень похожий на Ленин.

На секунду в его глазах мелькнуло что-то — не испуг, нет. Что-то глубже. Как будто она назвала слово, которое все в этом дворе старались не произносить вслух.

— Не видел, — наконец сказал он. — Но... знаешь, тут много чего приходит. Почтальон кидает в ящик всё подряд: рекламу, квитанции, какие-то листовки. Иногда письма без адреса, просто «жильцам». Может, оно там и лежало. Я не смотрю. Не моё дело.

Но Марина заметила, как он чуть задержал дыхание на слове «не моё». Как будто хотел, чтобы она поверила, но сам себе не верил.

Она подошла к окну. Двор лежал внизу, серый и неподвижный, как фотография, которую слишком долго держали на свету. Арка во дворе темнела, и тени на ней действительно стали длиннее — или это просто сумерки подкрались незаметно. На стене арки кто-то недавно вывел баллончиком короткую фразу — одну строчку, и её хватило, чтобы по спине пробежал холодок: «Помни». Этот холодок, всколыхнул память и чувства.

— Кто это написал? — спросила Марина, указывая на надпись.

Игорь подошёл, посмотрел, пожал плечами, но плечи у него были напряжены.

— Да тут каждый день что-то пишут. Дети, подростки. Или взрослые, которым делать нечего. Иногда смывают, иногда оставляют. Никто за этим, не следит.

— Но «помни» — это не просто так, — настаивала Марина. — Это кому-то адресовано.

— Или всем сразу, — тихо ответил Игорь. — В таких дворах все друг о друге помнят. Даже если не хотят.

Марина отвернулась от окна. Ей вдруг стало холодно, хотя на кухне было душно от нагретого чайника и старых батарей и за отсутствия сквозняка.

— Мне нужно осмотреть комнату Лены, — сказала она твёрдо. — Если вы не против.

Игорь помолчал. Потом кивнул, но не сразу — будто давал себе время придумать причину отказать и не находил её.

— Конечно. Только... там ничего не трогали. Почти. Я только пыль вытирал, чтобы не сильно копилась.

Они прошли по узкому коридору. Дверь в комнату Лены была чуть приоткрыта, как будто кто-то только что вышел и вот-вот вернётся. Марина остановилась перед ней, сжала пальцы в кулаки, чтобы унять дрожь. И толкнула ее.

Комната пахла не пылью — она пахла остановленным временем. На кровати всё ещё лежал плед с выцветшими звёздами — Лена обожала космос, собирала журналы про планеты и мечтала стать астрономом, пока не поняла, что в их городе для этого нет ни телескопа, ни дороги. На столе стояла старая рамка с фотографией: Марина, Лена и мама на фоне

той самой арки. Тогда арка была светлее, а тени — короче и все менее уныло чем сейчас.

Марина подошла к столу, провела пальцем по рамке. Под ней лежал конверт — тот самый, старый, с их домашним адресом. Тот, в котором пришло письмо. Только теперь она заметила: марка на нём была не почтовой. Это был самодельный штамп — кружок, внутри которого что-то нарисовано. Марина прищурилась. Рисунок напоминал силуэт арки. Или тень, которая повторяет её форму. Хотя возможно это игра воображения, и она присмотрелась повнимательнее.

— Вы это видели? — спросила она, не оборачиваясь.

Игорь стоял в дверях, держась за косяк, будто боялся войти.

— Нет, — ответил он. — Клянусь. Я его не трогал.

Марина взяла конверт. Внутри было пусто. Никакого письма. Только запах — тот самый, пыльный, знакомый до тошноты.

— Значит, его кто-то забрал, — прошептала она. — Или... его здесь никогда не было.

И тут она поняла: письмо, которое привело её сюда, могло быть не посланием от Лены. Оно могло быть приманкой. Или предупреждением. Или чьей-то попыткой заставить её вернуться — потому что кто-то знал: только она способна увидеть то, что спрятано в этих тенях. Возможно, она единственная кто это может увидеть.

За окном скрипнула арка — старый металл протестующе

застонал под ветром. Тени на её изгибе дрогнули, будто кто-то прошёл сквозь них. И на секунду Марине показалось, что в глубине двора мелькнул знакомый силуэт — тонкий, быстрый, тот, который она столько раз видела во сне. Но когда она моргнула, там никого не было. Только ветер гнал по асфальту обрывок газеты и что-то еще.

— Что ты помнишь про тот день? — спросила Марина, оборачиваясь к Игорю. — Про день, когда Лена исчезла. Все говорят одно и то же: «ушла сама». Но никто не говорит, почему она это сделала.

Игорь медленно вошёл в комнату, остановился рядом с кроватью. Его лицо стало каким-то другим — старше, жёстче и сильно усталым.

— Помню, что утром она была злая, — тихо сказал он. — С кем-то поссорилась по телефону. Вышла, хлопнув дверью. А потом... весь двор будто затаил дыхание. И никто ничего не видел. Но все что-то знали. Просто не хотели говорить.

— Почему? — настаивала Марина.

Он посмотрел на неё прямо, без уклончивости:

— Потому что в таких дворах правда — это не то, что спасает. Это то, что ломает. И если тень на арке обретает форму... лучше не смотреть, кто её отбрасывает. Совсем не смотреть в её сторону.

Глава 3

Тот день начинался как тысяча других — с гудения старого будильника, который мама не меняла лет десять, потому что «он хотя бы звонит». Марина проснулась от этого звука, как от толчка, и сразу почувствовала: сегодня всё будет не так. У неё была контрольная по алгебре, а она так и не открыла учебник и даже не вспомнила про него. И ещё Лена опять заняла её любимую кофту без спроса. Как говорить: утро в цыганском таборе: кто раньше встал - тот красивее всех оделся.

— Ты её не трогай, я в ней в город собиралась! — крикнула Марина, когда сестра вышла в коридор, крутясь перед зеркалом. Кофта была тёмносиняя, с серебряными нитками, которые поблёскивали, если попасть под уличный фонарь. В их дворе это считалось почти роскошью.

— Да ладно тебе, — фыркнула Лена, натягивая капюшон. — Ты всё равно никуда не пойдёшь. Опять будешь сидеть и зубрить. Ты уже как старая бабушка из дома не хочешь выходить.

Марина сжала кулаки. Хотелось швырнуть в неё подушкой, хотелось закричать, что она не старая, что ей просто надо сдать эту чёртову контрольную, чтобы мама хотя бы один вечер не смотрела на неё с этой усталой, тяжёлой надеждой. Но она промолчала. Промолчала, потому что знала:

если сейчас начнётся ссора, мама выйдет из кухни с полотенцем в руках, скажет: «Девочки, ну сколько можно», — и в её голосе будет не раздражение, а эта глухая, привычная усталость, которая висела в квартире, как запах подгоревшей каши. Запах какой-то безысходности.

Лена ушла, хлопнув дверью чуть сильнее, чем нужно. И этот хлопок отозвался в Марине чем-то злым и горьким. Она стояла в коридоре, слушала, как затихают шаги сестры на лестнице, и думала: «Пусть уходит. Пусть пропадает. Хоть один день пусть будет тихо». Это была не правда — она бы сразу побежала за ней, если бы знала, что это последний раз. Но тогда это была просто обида, острая и мелкая, как осколок стекла под босой ногой. В тот момент это было больно.

На контрольной она провалилась. Не изза того, что не знала — она всё знала, но буквы и цифры вдруг стали чужими, плясали перед глазами, как в кривом зеркале. Учительница, сухонькая, с вечно поджатыми губами, покачала головой: «Марина, ты могла бы лучше. У тебя голова есть». И в этих словах было столько разочарования, что Марине захотелось провалиться сквозь пол. Она собрала тетрадь, вышла в коридор и вдруг поняла, что не хочет возвращаться домой. Не хочет видеть мамины глаза, в которых сразу всё прочтётся. Немой укор.

Она пошла не домой, а к арке. Там, в тени, где бетон смыкался над головой, было её тайное место. Арка пахла мокрым камнем и сигаретами — кто-то из старших ребят курил

тут по вечерам. Марина села на выступ, подтянула колени к груди и достала из кармана смятую записку. Это было письмо от парня из параллельного класса — не признание, нет, просто приглашение постоять после уроков у магазина. Но для неё это было как билет в другую жизнь: туда, где она не старшая сестра, не отличница, не девочка, на которую мама надеется. Туда, где она просто Марина.

И тут она увидела Лену. Та шла через двор, низко опустив голову, и плечи у неё были напряжены, будто она ждала удара. Рядом с ней шёл какойто парень — старше, в кожаной куртке, которую в их дворе знали все. Он чтото говорил, резко, отрывисто, и Лена кивала, но Марина видела: она не согласна. Она просто кивает, чтобы он замолчал.

Внутри у Марины всё сжалось. Она хотела крикнуть, хотела выбежать из тени и схватить Лену за руку, утащить её домой, спрятать. Но вместо этого она замерла. Потому что в тот момент ей вдруг стало стыдно. Стыдно, что она сидит тут, прячась от контрольной, а Лена решает какие-то взрослые, страшные вещи. Стыдно, что она злилась изза кофты, когда, может быть, Лене было понастоящему плохо и тяжело.

А потом парень остановился, махнул рукой, будто стряхивал с себя разговор, и пошёл прочь. Лена осталась стоять посреди двора, маленькая и одинокая, и ветер трепал её волосы. Марина хотела встать, хотела подойти. Но тут из подъезда вышла соседка, тётя Валя, и окликнула Лену: «Ленка, мать тебя ищет!» И Лена вздрогнула, будто её ударили, под-

няла голову, кивнула и пошла к подъезду — быстро, почти бегом.

Марина так и осталась сидеть в тени арки. И когда солнце ушло за дома, и тени стали длиннее, она вдруг поняла: она ничего не сделала. Не окликнула. Не подошла. Не спросила. «Что случилось?» Она просто сидела и смотрела, как сестра исчезает в подъезде, как растворяется в этом сером, привычном дне. В одном из постоянных серых будней.

Вечером мама спросила: «Ты Лену не видела?» — и голос у неё был такой, будто она уже знала ответ, но надеялась, что ошиблась. Марина покачала головой. «Нет», — сказала она. И это было правдой — она не видела. Потому что, когда Лена вышла снова, уже в темноте, Марина была дома, лежала лицом в подушку и делала вид, что спит. Она слышала, как хлопнула дверь. Слышала, как затихли шаги на лестнице. И подумала: «Пусть идёт. Пусть побудет одна. Я тоже хочу побыть одна». Наступила тишина.

Только утром, когда мама не смогла разбудить Лену, когда комната оказалась пустой, а на столе лежала короткая записка без подписи — просто обрывок тетрадного листа с одной фразой: «Не ищите» — Марина поняла, что её молчание было не обидой. Оно было предательством. На глазах выступили слезы.

Сейчас, стоя в той самой комнате, глядя на плед со звёздами и на фотографию у окна, Марина чувствовала, как прошлое сжимает её сердце, как тиски. Десять лет она носила

в себе эту вину, прятала её за делами, за переездами, за попытками стать кемто другим. А теперь тени на арке будто шептали: «МЫ ЗНАЕМ».

Игорь стоял в дверях, не решаясь войти. Он не знал, что сказать. А Марина и не ждала слов. Ей нужно было просто постоять здесь, в этой комнате, и позволить обиде и вине обрушиться на неё снова — потому что только так она могла понять, что тогда пошло не так. Только так она могла начать искать. И вообще начать этим заниматься.

— Прости, — прошептала она, не зная, к кому обращается: к Лене, к маме, к той себе, которая сидела в тени арки и молчала. — Прости, что я не пошла за тобой.

За окном снова скрипнула арка. Ветер гнал по двору обрывок газеты, и тот, кружась, прибил к стене, прилип к старой надписи. «Помни», — снова прочитала Марина. И на этот раз она поняла: это не угроза. Это просьба, начать действовать.

Глава 4

Комната Лены пахла не только пылью и остановленным временем — в ней витал ещё один запах, почти неуловимый, но такой родной, что у Марины защемило под рёбрами: слабый аромат маминых духов, дешёвых, с ноткой ландыша, которые она брызгала на шарф по утрам, будто это был её доспех против серого двора. Марина провела ладонью по спинке стула, на котором мама всегда оставляла свои вещи — ключи, перчатки, сложенный вдвое список покупок, где одно и то же повторялось по три раза, потому что память подводила её раньше, чем она успевала дойти до магазина. Эх этот нежный, немецкий друг Алыцгеймер, который периодически обнимает многих.

Игорь всё ещё стоял в дверях, будто боялся нарушить эту тишину, в которой теперь звучали не чужие голоса, а воспоминания и что-то ещё.

— Она не могла просто так уехать, — тихо сказала Марина, скорее себе, чем ему. — Мама. Не могла бросить эту квартиру. Тут всё было её. Даже эти облупившиеся обои — она сама их клеила, когда отец ушёл. Говорила, что раз уж всё рушится, пусть хоть стены будут ровными, как будто это может на что-то повлиять.

Игорь чуть наклонил голову, и в этом движении было не согласие, а готовность слушать. Он знал, что сейчас не

нужны объяснения — нужно, чтобы кто-то просто позволил этим словам прозвучать. И чтобы их, хоть кто-то услышал.

— А потом Лена пропала, — продолжила Марина, глядя не на Игоря, а куда-то сквозь стену, туда, где за аркой начинался двор, который знал о них слишком много. — И мама... она как будто сломалась в тот день. Не плакала. Не кричала. Просто стала ходить по квартире, трогать вещи — чашку, полотенце, расчёску Лены — и смотреть на них так, будто ждала, что они подскажут, куда она делась. А они молчали. И от этого молчания мама становилась всё тише. И все больше...

Марина вспомнила, как однажды вечером зашла в мамину комнату и увидела, что та сидит на краю кровати, держа в руках Ленину кофту — ту самую, с выцветшими звёздами. Мама прижимала её к лицу, закрывала глаза, будто пыталась вдохнуть запах дочери, который выветрился. Почувствовать хоть каплю надежды.

— Ты не понимаешь, — прошептала она тогда, не открывая глаз. — Если я перестану её трогать, если перестану помнить, она исчезнет совсем.

Марине тогда хотелось закричать: «Она не исчезла! Её надо искать!» Но вместо этого она села рядом, положила руку на мамино плечо и сказала самое беспомощное, что могла: «Мам, я тут. Я с тобой». Чтобы хоть как-то ее поддержать.

А мама только покачала головой:

— Ты не можешь быть со мной. Тебе надо жить. Уезжай.

Учись. Найди место, где не пахнет этим двором. Этой серой жизнью.

И Марина уехала. Не потому что хотела — а потому что оставаться значило смотреть, как мама рассыпается на глазах на части, на крупинку за крупинкой.

— В Вологду она уехала не к сестре, — вдруг сказал Игорь, и голос его прозвучал непривычно твёрдо, будто он долго держал эти слова при себе и наконец решил их выпустить. — Сестра там и правда жила, но... мама твоя не к ней ехала. Она ехала туда, где никто не знал про Лену. Где никто не смотрел на неё с этим взглядом — сочувственным, но таким чужим, будто она сама виновата, что дочь пропала. В нашем дворе все знали все. Каждый подъезд, каждая скамейка — как суд выносящий приговор. И приговор тот выносят молча.

Марина кивнула. Она вдруг поняла, что мама уехала не от них — она уехала от этого двора, от его памяти, от его теней и людей.

— И вы остались, — сказала она, поворачиваясь к Игорю. — Присматривать. За квартирой. За воспоминаниями.

Он пожал плечами, но плечи у него были напряжены:

— Кто-то должен был. Тут... всё держалось на таких мелочах. На том, чтобы вовремя закрыть форточку, чтобы трубы не прорвало зимой. На том, чтобы не дать этому месту стать совсем чужим.

Марина подошла к окну. Двор внизу казался застывшим,

как старая фотография, где время остановилось на одном кадре. Арка нависала над ним, тяжёлая, серая, и тени на ней лежали так густо, будто пытались что-то скрыть. Или, наоборот, показать.

— Знаешь, что самое страшное? — прошептала Марина, не оборачиваясь. — Не то, что Лена пропала. А то, что мама увезла с собой эту боль. И оставила нас одних — меня и этот двор. И я тогда думала, что справлюсь. Что я взрослая. А на самом деле я просто боялась. Боялась остаться здесь, боялась не найти Лену, боялась, что если я буду искать, то найду что-то, с чем не смогу жить. Потому этот побег и был.

За окном скрипнула арка — старый металл снова протестующе застонал под ветром. Тени дрогнули, и на секунду Марине показалось, что в их переплетении мелькнул знакомый силуэт — не Лены, а мамы: в том самом пальто, с тем самым шарфом, который она никогда не снимала, даже дома, будто он был её щитом и доспехом одновременно.

— Я должна была остаться, — сказала Марина, и голос её дрогнул. — Должна была быть с ней. Помогать искать. А я сбежала. И теперь... теперь я не знаю, где искать ни её, ни Лену. Это наказание за побег.

Игорь шагнул вперёд, но остановился, не решаясь подойти слишком близко.

— Ты не сбежала, — тихо сказал он. — Ты выжила. А тут... тут выживание — это уже подвиг.

Марина повернулась к нему. В его глазах не было жалости

— только усталость, такая же, какая годами копилась в их квартире, в их дворе, в их городе. Усталость людей, которые слишком долго держали всё на себе.

— Помоги мне, — попросила она. — Расскажи всё, что помнишь. Про маму. Про то, как она уезжала. Про то, что говорили люди. Даже если это мелочи. Даже если кажется, что это не важно. Тут каждая мелочь — как тень на арке. Она что-то повторяет. Надо только научиться её слышать.

Игорь медленно кивнул. Он подошёл к столу, взял старую фотографию — ту, где Марина, Лена и мама стояли на фоне арки, и все трое улыбались, будто верили, что этот двор не сможет их сломать. И все будет хорошо.

— Помнишь, как мама однажды сказала, что тени — это просто свет, который не знает, куда ему падать? — тихо спросил он. — Она так говорила, когда ты с Леной боялись темноты. «Не бойтесь теней, — говорила она. — Они просто заблудились».

Марина закрыла глаза. И вдруг поняла: мама была не права. Тени не заблудились. Они пришли сюда специально. И нужно выяснить для чего они пришли сюда.

Глава 5

— Тут не говорили прямо, — сказал Игорь, опуская фотографию на стол. Стекло тихо звякнуло о дерево, будто подтверждая: прошлое не хочет лежать смирно. — Тут говорили намёками. А намёки в таком дворе крепче фактов. А факт как мы с вами знаем, самая упрямая в мире вещь.

Он прошёл к окну, отодвинул край занавески — не чтобы посмотреть, а будто ему нужно было держаться за что-то твёрдое, пока он вытаскивает из памяти эти слова.

— После исчезновения Лены двор будто разделился на тех, кто делал вид, что ничего не случилось, и тех, кто знал слишком много, но боялся сказать. И громче всех кричали как раз те, кто громче всех делал вид, что не знает. И это по моему самое ужасное.

Марина села на край кровати Лены, чувствуя, как пружины тихо скрипнули под её весом — точно так же, как десять лет назад. Ей хотелось, чтобы Игорь говорил быстрее, но одновременно — чтобы он не торопился, чтобы каждое слово успело лечь туда, где в её воспоминаниях зияла пустота.

— Что говорили Расскажи? — спросила она, глядя на плед со звёздами. — Хоть что-нибудь. Даже если это бред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.